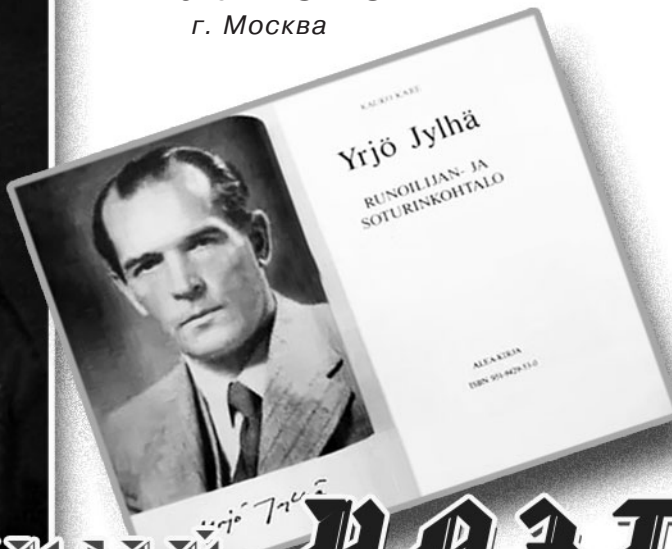

Михаил ВАСЬКОВ

г. Москва

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ НЕИЗВЕСТНОЙ ВОЙНЫ

I. Из плеяды фронтовых стихотворцев

*Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, –
Ни приметы, ни следа...*

Эти строки вот уже несколькими поколениями знакомы с детства – стихотворение Александра Твардовского «Переправа» из военного цикла «Василий Тёркин» до сих пор входит в школьную программу по литературе. Но лишь немногие знают, что изначально оно было вовсе не про Великую Отечественную, а про ту, до сих пор во многом неизвестную у нас, «незнаменитую», войну, традиционно именуемую в отечественной историографии Финской, а в Финляндии – Зимней. И слово «финн» только годы спустя в произведении было заменено на более привычный для советского человека образ врага – «фрица»...

Своё стихотворение будущий главред оттепельного «Нового мира» написал под впечатлением неудачной попытки красноармейцев зайти в

начале декабря 1939 года в тыл финнам по протоке Кивиниеми озера Суванто-ярви (ныне – оз. Суходольское) на востоке Карельского перешейка.

*И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди тёплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...
Под огнём неразбериха –
Где свои, где кто, где связь?!
Только вскоре стало тихо, –
Переправа сорвалась.*

Ещё одна попытка форсирования этого водного рубежа, священного для финнов и карелов места (именно здесь, в Сувантоле, по преданию, жил герой «Калевалы», богатырь, волшебник и рунопевец Вяйнямёйнен), была предпринята несколькими километрами восточнее, через другую озёрную протоку – реку Тайпалеен-йоки (ныне – р. Бурная). О тех, одновременно трагических и героических, событиях образно и ярко напишет их очевидец, коллега Твардовского – поэт и военкор Евгений Долматовский. Его стихотворение «Воспоминание о Тайпалеен-йоки» не столь из-

вестно, как «Переправа», поэтому для большего «введения в тему» стоит привести его целиком:

*Я много видел рек – и узких, и широких,
Запомнится не каждая река.
Но есть одна река – Тайпалеен-йоки,
Она не широка, не глубока.
А было перейти её труднее,
Чем жизнь прожить. Но нужно перейти!
Когда понтоны навели над нею,
Сплошной огонь открылся на пути,
Но люди шли – сурово, тихо, долго.
И каждый думал: «Я ещё живу».
И волгарям не вспоминалась Волга,
Здесь было только то, что наяву:
Сквозь гром был слышен голос одинокий –
Звал санитаря раненый в потоке...
Тяжёлую волну несла в века
Одна, одна Тайпалеен-йоки,
Холодная и быстрая река...*

Для освещения сражений с «белофиннами» на Карельском перешейке, помимо Твардовского и Долматовского, в распоряжение Ленинградского военного округа большевистский агитпроп направил тогда целую бригаду «красных стихотворцев» – Николая Тихонова, Алексея Суркова, Александра Прокофьева, Василия Лебедева-Кумача, Александра Безыменского...

Между тем на противоположном берегу в рядах финских частей, оборонявших от наступавшей Красной армии водный рубеж Вуокси – Суванто-ярви – Тайпалеен-йоки, сражался (и не в качестве военкора, а в качестве командира роты!) ещё один поэт, их ровесник, рождённый с ними в некогда единой стране и так же призванный в армию из запаса. В независимой Финляндии он был культовым поэтом, а его военные стихи ещё при его жизни стали классикой. Это Юрьё Юльхя.

II. Юные годы

Будущий классик родился 21 июля 1903 года в городе Таммерфорсе (ныне – г. Тампере) на территории Великого княжества Финляндского. Его отец Карл Йохан Линдемман был купцом, а мать Ида Мария (в девичестве – Коветту) – домохозяйкой. Семья, как водилось в имперское время, была многодетной: у Линдемманов родилось одиннадцать детей, маленький Юрген-Олаф был восьмым ребёнком.

С детства мальчик рос в многоязычной среде, что, вполне вероятно, и повлияло впоследствии на его выбор профессии переводчика. Родным языком отца был шведский, матери – финский. В гимназии, помимо обязательного к изучению «имперского» русского, само собой, изучали классические языки – латынь и древнегреческий, а также языки иностранные – английский, французский и немецкий. Впрочем, предпочтение везде и всегда отдавалось финскому. Будущий поэт владел им великолепно, чувствуя все языковые нюансы. А когда после революции 1905 года в период подъёма финского патриотизма глава семейства поменял фамилию на финскую, превратившись в Каарли Юхо Юльхя, соответственно и Юрген-Олаф стал «настоящим финном» – Юрьё Олави Юльхя. Под этим именем он и войдет в историю финской литературы.

Большим событием в жизни маленького Юрьё стала поездка на Олимпийские игры 1912 года – отец взял с собой на Олимпиаду в Стокгольм старших детей, и они могли воочию наблюдать за соревнованиями по футболу и боксу, бегу и толканию ядра, метанию диска и копья. Сборная Суоми, несмотря на то что Великое княжество входило в состав Российской империи, получила право выступить тогда отдельной командой. И первые успехи финских спортсменов вдохновили Юрьё на серьёзные занятия спортом. Мальчик занимается боксом, лёгкой атлетикой. Неоднократно становится чемпионом на городских состязаниях по метанию копья. Полученные в юные годы спортивные навыки и отменная физическая форма весьма пригодятся ему впоследствии на фронте...

Впрочем, спорт не был помехой в учебе, и Юрьё вполне в ней преуспевал, отдавая предпочтение гуманитарным предметам. Активно участвовал и в общественной жизни гимназии, будучи старостой. В старших классах начал понемногу пробовать перо – писать заметки в местные газеты, первые стихи... Как-то его спросили, как он может одновременно слагать вирши и... боксировать? Что вообще общего у бокса и стихов? «Ритм!» – уверенно ответил будущий классик.

В 1922 году Юрьё окончил гимназию, выдержав экзамены для поступления в университет. Однако подошло время военной службы, и фенрик (шведское и финское воинское звание, равное российскому дореволюционному «прапорщик» или современному «младший лейтенант». – **М.В.**) Юльхя оказался в городе Пори, в полку, отличившемся в ходе финской гражданской войны

на «белой» стороне. (К слову, без знаменитого «Марша Порилаского полка» в Финляндии и Эстонии не обходится ни один военный парад.) По окончании службы Юрьё начал обучение в университете Турку, а на втором курсе перевелся в Хельсинкский университет, избрав своей специализацией филологию. Казалось бы, школа получит еще одного учителя словесности или наука еще одного ученого-лингвиста. Однако подержать в руках диплом магистра молодому человеку было не суждено – его увлекла переводческая и литературная карьера...

III. «Пламеносец»

Поэтический дебют Юрьё Юльхя состоялся в 1924 году – его стихи были опубликованы в сборнике молодых поэтов. Новая подборка вышла годом позже, а ещё через год увидел свет и первый авторский сборник – «След кнута» («Ruoskanjäljet»). В общей сложности в довоенный период у Юрьё вышло пять книг. Словно предчувствие военной судьбы звучат их названия: «Вихрь» («Kurimus») (1928), «Последний раунд» («Viimeinen kierros») (1931), «Крест на снегу» («Risti lumessa») (1937), «На дороге надежды» («Toiviotiellä») (1938)...

В период раннего творчества Юльхя был одним из последователей довольно своеобразного течения в литературе, замысловато названного «литературным экспрессионизмом». Поэт входил в литобъединение финских экспрессионистов «Пламеносцы», получившее наименование по их первому совместному поэтическому сборнику («Tulenkantajat»). В эту группу, существовавшую в 1919–1932 гг. под лидерством мэтра Уно Кайласа, помимо Юльхя, входили молодые тогда поэты и писатели Каарина Вахер, Эрkki и Катри Вала, Элина Ваара, Олави Лаури, Арви Кивимаа, Онни Халла, Микка Валтари, Илмари Пим, Мартти Хаавио, Йохан Эдвард Леппякоски и др. «Пламеносцы» принадлежали к поколению, в довольно «нежном» возрасте пережившему целый вихрь драматических событий – Первую мировую войну, революцию, гражданскую войну... Однако всех их объединяла уверенность, что беды и лишения остались позади и они могут начать «строительство новой красоты». Заседания литобъединения зимой проходили в Хельсинки, а летом – в поселке Терийоки (ныне г. Зеленогорск) на принадлежавшей тогда Финляндии Северной Ривьеры. Поэты-экспрессионисты представляли новые

стихи и книги, спорили, обсуждали последние литературные и общественные новости. «Пламеносцы» выступали за ниспровержение предшествующей эстетики, выражавшееся в ломке классического стихосложения, отречение от действительности, а в творчестве стремились подняться «над схваткой идей».

Впрочем, вряд ли было бы правильно называть самого Юльхя каким-то уж совершенно «отъявленным» ниспровергателем прежних поэтических ценностей или общественных устоев. В отличие от многих собратьев по перу, полностью отказавшихся в 1920–30-е гг. от рифмы, Юрьё весьма умело использует её в своих произведениях, сочетая и рифму, и ритм. Критика отмечала, что им присущи «глубокий лиризм» и вместе с тем «пессимизм», «субъективное восприятие реальности».

Трудно сказать, чем был вызван подобный настрой довоенных стихов Юльхя. Возможно, здесь сыграла роль ранняя смерть матери, вызвавшая в душе подростка (ему тогда было тринадцать) глубокие переживания. Возможно, сказалось влияние позднего, «депрессивного», творчества Лейно – а все «Пламеносцы» были его горячими поклонниками. А может быть, разгадкой были бурные любовные отношения с будущей супругой поэта – актрисой Кирсти Свенсон. Не исключено, что объяснением всему был просто общий негативный фон, царивший тогда в Суоми. Помнится, советские историки называли тот период «временем разочарования, глубокого раскола финского общества, разгула реакции после подавления рабочей революции и поражения красных финнов в короткой, но чрезвычайно кровавой гражданской войне»...

Любопытно, что своеобразным протестом против крайних форм национализма, как следствие нередко проявлявшегося в той или иной сфере в первые годы финской независимости, было обращение «Пламеносцев», в том числе и Юльхя, к общеевропейской, русской культуре, стремление к наднациональному...

У автора этих строк есть несколько иное объяснение «пессимистического настроения» Юльхя – просто поэты гораздо острее предчувствуют грядущие события. В конце 1920-х, в 1930-е гг., когда во многих странах уже подняли голову нацизм, фашизм и тоталитаризм, да и Советская Россия, по крайней мере официально, продолжала поддерживать Коминтерн с его коммуноглобалистскими идеями «раздувания пожара мировой революции», по меткому выражению кого-то из публицистов, «Европа была беременна новой войной». И

поэты всеми фибрами души ощущали иллюзорность и бренность мнимого буржуазного благополучия, понимая неизбежность будущей бойни...

IV. Война!

В сентябре 1939 года Европа запылала. Полчища Гитлера уничтожили польскую государственность, Великобритания и Франция как её гаранты объявили Рейху войну. В свою очередь, Сталин, согласно Пакту Молотова-Риббентропа, завершив т.н. «освободительный поход» в Западную Украину и Западную Беларусь, по сути, предъявил ультиматум Финляндии – отодвинуть на Карельском перешейке границу от Ленинграда. *(Справедливости ради отметим, что соседям взамен предлагались гораздо большие территории в Восточной Карелии. – М.В.)* Финны тревожно замерли в ожидании итогов переговоров в Москве. В воздухе запахло порохом. Не пожелавшее идти на сталинские «предложения» руководство Финляндии в октябре спешно эвакуировало в глубь страны население перешейка и в дополнение к размещенным там основным силам финской армии провело мобилизацию резервистов.

Так на левом фланге Линии Маннергейма в числе других солдат и офицеров оказался и лейтенант запаса Юрьё Олави Юльях, получивший назначение сначала взводным, а вскоре и ротным командиром 30-го полка 10-й пехотной дивизии. *(С 01.01.40 полк и дивизия получили новую нумерацию – 21-й и 7-я соответственно. – М.В.)* Дивизия была призвана держать оборону на рубеже Вуоксинской водной системы, и первый стих будущей самой знаменитой финской книги военной лирики «Чистилище» («Kiirastuli») так и называется – «На страже у Вуоксы». В стихотворении, датированном 31 октября, Юльях пишет, что «Здесь мы будем стоять, / Здесь мы останемся, / Пока на Востоке не сломаются / Или огонь не ударит нам на головы». Что, увы, и произошло ровно через месяц, когда московские переговоры зашли в тупик...

В первую неделю наступления наибольшего успеха Красная армия достигла на Кексгольмском направлении, где финские части были вынуждены отойти на главную полосу обороны за реку Тайпалеен-йоки и озеро Суванто-ярви. Поэтому советское командование решило осуществить прорыв фронта именно здесь. С этой целью была сформирована оперативная группа из двух стрелковых дивизий, усиленных танковым корпусом и несколькими артиллерийскими полками. Как мы помним из стихотворения Твар-

довского, форсирование протоки Кивиниеми оказалось безуспешным, а через Тайпалеен-йоки красноармейцы ценой колоссальных потерь все же переправились, сумев зацепиться за плацдарм на левобережье на полуострове Коуккуниеме. Именно вокруг этого пятка площадью едва ли в полтора десятка километров в последующие три месяца и разыгралось самое кровопролитное сражение той «незначимой» и доселе, по сути, неизвестной у нас войны...

V. Книга, написанная кровью

В течение декабря советское командование четырежды пыталось прорвать основную полосу обороны финнов (в последний раз – на западное Рождество), но, положив в буквальном смысле этого слова до двух дивизий (!) личного состава, от этого замысла отказалось, перенеся основные удары на первоначально выбранное Выборгское направление. На Кексгольмском же направлении реальностью стала позиционная война. Здесь части Красной армии начали точечные бои местного значения с целью изматывания противника, вскрытия и уничтожения системы финских укреплений.

Ежедневно за каждую руину, каждый окоп, каждую воронку, кочку, пень шли ожесточённые схватки. Нередко доходило до рукопашной. Чтобы подойти к позициям противника, красноармейцам необходимо было преодолеть обширные открытые поля, насквозь простреливаемые из пулемётов и винтовок. И они стали использовать тактику подкопа, метр за метром приближаясь к главной линии финнов. Финны, естественно, не могли оставаться безучастными, видя, как бойцы в буденовках с красными звездами подбираются к их окопам. Поэтому они, пользуясь ночной темнотой, время от времени совершали дерзкие вылазки, в коротких схватках уничтожали красноармейские дозоры, минировали окопы, уничтожали линии связи, восстанавливали свои проволочные заграждения. С утра же под прикрытием ударов с земли и воздуха советские солдаты пытались восстановить статус кво. Затем всё повторялось по новой...

Рота лейтенанта Юльях держала оборону между дорогой от хутора Кирвесмяки до деревни Теренттиля и болотом с «говорящим» названием Сурмансуо – «Болото смерти». И смерть как обыденность, ненависть, боль, предательство, мужество и трусость – всё это изо дня в день проноси-

лось перед глазами поэта на этом небольшом клочке земли, в который вдруг сколлапсировалась вся Вселенная. Красная армия постоянно давила. Финны с огромным трудом удерживали позиции. Если же какую-либо траншею под натиском превосходящих сил приходилось оставить, то «верхнее» командование тут же гнало оставшихся в живых в контратаку, дабы немедленно вернуть потерянное...

Интенсивность огня с обеих сторон была такова, что не только от деревенских изб, но и от красавца леса, покрывавшего часть этого края до войны, практически ничего не осталось. Один из очевидцев боев с финской стороны в своих воспоминаниях так описывал военный пейзаж Кирвесмяки: «Повсюду торчали остатки стволов деревьев со светящимися белой древесиной «ссадинами» в местах, где кору содрали осколки. Как будто какой-то гигантский шутник ради смеха воткнул обгорелые спички в тёмный пирог. Поваленные стволы, сметённые сучья, корни и груды камней довершали картину разрушения...»

Достоверно известно, что Юльха стихов на передовой не писал. В промежутках между боями времени едва хватало на пару строк для письма супруге. Однако поэтический взор невольно выхватывал из суровой реальности тот или иной меткий образ, а цепкая память профессионального переводчика навеки фиксировала его в мозговой ячейке – сожжённую избу и разбитую ель, пулеметный «душ» и огненную лаву артобстрела, незамерзающие волны Тайпалеен-йоки, шумящие на перекатах, и сотни убитых, застывших в немыслимых позах на сверкающем на солнце снегу... А три события (поэт потом опишет всё в стихах) оставили в душе Юльха совершенно неизгладимый след. Первое – когда он, командир роты, подчиняясь приказу вышестоящего начальства, не имея времени на подготовку, без должной разведки был вынужден послать в безнадёжную и бессмысленную контратаку своих боевых товарищей, положив несколько десятков подчинённых... (Эта психологическая травма преследовала Юрьё всю оставшуюся жизнь.) Второе – когда в тылу он совершенно неожиданно столкнулся с двумя разведчиками-красноармейцами, и только спортивные навыки да фронтовая удача помогли ему выйти победителем в схватке (Юльха был ранен в бедро). И третье – когда он послал бойца за водой для раненых, но тот был убит осколком прямо возле колодца: солдату перебило шейную артерию, и Юрьё, который уже не мог ничем помочь несча-

стному, видел, как солдатская кровь стекала в колодец, растопив своим теплом лёд...

Во время генерального наступления в феврале 1940 года красноармейцы со своего плацдарма на полуострове Коуккуниemi вновь попытались прорвать финскую оборону. На несколько дней вся местность здесь, по выражению Юльхи, превратилась в «суший ад». Однако при помощи подошедших, фактически, последних резервов из совсем молодых курсантов и гимназистов – «фарфоровых мальчиков» (как их тут же окрестили бывалые фронтовики-острословы), финны сумели отбить все атаки и отстоять свои позиции. Линия фронта в священной для финнов и карел Сувантоле осталась такой же, как и в первую неделю войны! Бои на Тайпале стали символом стойкости и героизма финских войск. Маршал Маннергейм лично поблагодарил командира 7-й пехотной дивизии полковника Айнара Вихму и начштаба дивизии майора Адольфа Эрнрота за мужество и стойкость...

13 марта в 11 часов по финскому и в 12 часов по московскому времени «незнаменитая» война закончилась. Руководство Финляндии под давлением главнокомандующего – маршала Маннергейма, который без обиняков заявил политикам, что ресурсов для дальнейшей обороны нет, согласилось на советские условия мирного договора.

Юльха так вспоминал потом: «...Самый важный момент моей жизни я пережил в день заключения тяжёлого мира, когда стоял на крыше своего командного пункта и бросил последний взгляд на истерзанное снарядами поле боя, прежде чем повернуться и пойти вслед за моей отступающей частью. Именно в тот миг я понял, ради чего я остался в живых: чтобы принести весть от сражавшихся и погибших. Эта задача казалась невыполнимой, и я уже отчаялся воплотить свои шокирующие переживания в словах и рифмах. Только в начале следующего года я смог описать свои впечатления». В феврале 1941 года рукопись сборника «Чистилище» из 32 стихов была направлена в издательство, из печати он вышел на Пасху – 5 апреля 1941 года. Критика назвала книгу «написанной кровью»...

VI. «Самое значительное стихотворное произведение на военную тему», новая война и новые стихи

«**Ч**истилище» произвело в финском обществе настоящий фурор, сравнимый, как тогда писали газеты, с «точным попаданием снаряда в цель», со «взрывом бомбы». Книга тут же получила сравнение с финской классикой – «Рассказами прапорщика (фенрика) Столя» Йохана Рунеберга (о русско-шведской войне 1808–1809 гг.). «Самое значительное стихотворное произведение на военную тему» разошлось небывалым для здешних изданий стотысячным тиражом и несколько раз допечатывалось. Такой был ажиотажный спрос на него – и со стороны ветеранов, которым мысли и переживания поэта-фронтовика оказались понятны и близки, и со стороны их родни (а в Финляндии в буквальном смысле этого слова не было ни одной семьи, не затронутой войной), которые по поэтическим образам и «картинкам» пытались понять, что пришлось пережить их близким на фронте и какую цену Суоми заплатила за мир с соседями...

Самое любопытное, в сборнике не было ни капли от государственной пропаганды, прославлявшей военные подвиги финской армии. Наоборот, стихи Юльхя посвящены личным переживаниям (он не изменил «субъективизму» и «пессимизму» раннего творчества!), трагизму войны, её неприглядной стороне, человеческим страданиям и носят пацифистский, антивоенный характер.

Поэт по мере сил и возможностей постарался описать всё, что он видел на передовой, все свои невесёлые думы и выводы. Сами названия стихов военного цикла Юльхя говорят о темах, которые поднимает автор: «Утренний дозор», «Встреча в лесу», «Колодец», «В госпитале», «Ночь на Рождество», «Свежий снег», «Мартовский день», «Песнь о реке», «Очевидец», «Мать и сынок», «Прощай, Кирвесмяки!», «Домой»...

Героями произведений фронтового поэта стали его сослуживцы, которые «просто поторопились... и упали навзничь...» и уже никогда не вернуться домой, «не подадут в суд» на виновников войны, потому что «спят в поле, но не сдались»... Автор олицетворяет силы природы – «гром и бурю», «свежий снег», ведёт диалог с холмом, полем, лесом, разбитым снарядами деревом...

Однако не успели утихнуть восторженные отзывы критики, как летом 1941 года вспыхнула новая война, которую в Финляндии назвали «войной-продолжением». (*Финны всегда подчёркивали,*

что хотя и состоят в союзнических отношениях с Рейхом, но ведут «свою», «отдельную», войну с большевиками, отнявшими у них четверть страны. – М.В.) Впрочем, реваншистские настроения, овладевшие финской верхушкой, отнюдь не разделялись многими ветеранами, которые на собственной шкуре познали, что война – это не только и не столько победные репортажи и новые чины, сколько кровь, пот, потери товарищей, слезы матерей, жён и детей...

Юрьё, получивший к тому времени капитанские петлицы, вновь в строю. В «Войне-продолжении» он вместе с двумя своими братьями воюет в Северном Приладжье, на Олонецком направлении, в Присвирье. На этот раз во время боевого похода капитан Юльхя записывает свои стихотворные впечатления, и они вновь звучат во многом диссонансом официальной пропаганде, ничего не приукрашивая и не скрывая! Во время отпуска поэт побывал и на Тайпале, ставшей для него поистине вторым домом, предавшись воспоминаниям и немного переработав прежние стихи... В 1943 году выходит его очередной сборник, куда вошли как переработанные старые, так и совершенно новые произведения. На этот раз название сборника звучит просто и лаконично, как того и требовало военное время, – «Стихи» («Runoja»).

VII. По законам чести

...**О**сенью 1944 года благодаря политической мудрости Маннергейма, ставшего президентом страны, финны вышли из войны, подписав перемирие с СССР. Главком финской армии, как никто другой бывший в курсе оставшихся мобилизационных ресурсов, понимал, что лучше вновь потерять часть страны, чем полностью лишиться независимости, превратившись в одну из «республик Советской Прибалтики»...

Финская армия, сохранив свой костяк, отошла на новую границу и, согласно условиям перемирия, начала боевые действия против прежних «братьев по оружию», изгоняя немцев со своих островов на Балтике и из Лапландии. В марте 1945 года финские флаги взвились на границах со Швецией и Норвегией, а эшелоны с демобилизованными ветеранами, в числе которых был и капитан Юльхя, потянулись домой...

Во всех смыслах трудным было это возвращение. Много лет спустя переживания ветеранов психологи назовут «вьетнамским» или «афганс-

ким синдромом». Не вдаваясь в подробности этого душевного состояния, скажем лишь то, что фронтовикам очень непросто снова вернуться к нормальной, мирной жизни, их всё время тянет назад, на войну, где теперь, как им кажется, их настоящий дом... Прибавим к этому и боль утрат – в «карельском походе» Юрьё потерял двух братьев, под бомбёжкой погибла жена...

К тому же подавляющее большинство финнов никак не могли взять в толк: почему они, не побежденные в сражениях, вновь вынуждены отдать соседям четверть родной земли, выход к Северному Ледовитому океану, второй по величине город страны – Виипури (Выборг), отказаться от Ладого, от Карельского перешейка, столь обильно политого кровью? Почему вдруг в правительстве оказались «красные», против которых они столько раз воевали, а их прежние руководители из социал-демократов вдруг стали «военными преступниками» и заключены в тюрьму? Почему Финляндия объявлена союзниками одной из «стран-агрессоров» и ей, истерзанной войной, была назначена к выплате СССР огромная контрибуция? При этом историки отмечают, что финское общество в годы войны было гораздо сплоченнее, чем то же советское или даже германское. Воистину для ответов на все эти нелёгкие вопросы, быстро и безболезненно возвращая к мирной жизни потребовался политический талант и непререкаемый моральный авторитет старого маршала, который в самые трудные первые послевоенные годы стоял во главе страны...

...Юрьё поначалу всю внутреннюю боль и накопившиеся противоречия глушил старым мужским способом – водкой и общением с женщинами. Затем свои впечатления от «войны-продолжения» он захотел, как когда-то, выплеснуть на бумагу и даже начал было набрасывать эпическую поэму – некое продолжение мыслей лирического героя «Чистилища». Но вскоре понял: задуманное осуществить не удастся – для поэтической формы он был эмоционально опустошён. Поэтому планы резко меняются – Юльях, опираясь на свои дневниковые записи, носится с идеей написания «величайшего произведения о войне» в прозе. «Повесть должна быть в свободной, популярной форме, со множеством фронтowych деталей», – излагает он издателю идею книги. Однако именно в это время выходит знаменитый роман Вяйнё Линна «Неизвестный солдат», и Юльях понимает, что опоздал. Та книга, которую он хотел написать, уже издана...

Отгоняя от себя мрачные мысли и страхи, Юрьё еще раз пытается «зацепиться» за мирную жизнь литературным трудом. Он много переводит с английского, французского, шведского, в том числе и классику мировой литературы – Шекспира, Мильтона, Ридберга, Лафонтена, французский национальный эпос «Песнь о Роланде». Его переводы Шекспира на финский были признаны критикой «бесспорно лучшими», и именно по ним сегодня финноязычный читатель знакомится с творчеством британского гения.

Наконец удаётся переработать и дополнить и цикл военных стихов. В 1954 году выходит их четвёртое издание под названием «Прощай, Кирвесмяки!» («Hyvästi, Kirvesmäki!»). Казалось, что всё постепенно налаживается, всё встает на свои места, однако призраки военного прошлого всё же догоняют поэта. Судьба выписывает такой драматический сюжетный поворот, который не сочинил бы, наверное, и сам Шекспир, кого так талантливо переводил герой нашего повествования... Неожиданно выясняется, что у Юрьё тяжёлая болезнь. Ему грозят жестокие физические муки и, в конечном итоге, распад личности. Вариантов в общем-то немного: либо уход в наркотики и алкоголь, либо... Капитан запаса Юльях поступает по законам офицерской чести. 30 декабря 1956 года в доме брата в Турку выстрелом в висок из фронтowego пистолета L-35 «Лаhti» он ставит точку в своей жизненной драме.

Брат поэта рассказывал потом, что мёртвый взгляд Юрьё был устремлён в лежащую на столе книгу – принёсший ему известность и славу сборник «Чистилище», который был открыт на странице, где поэт «в морозном тумане» ведёт диалог с оставшимися на Тайпале солдатами. Они напоминают своему комроты: «Командир, ваше место всегда в нашем доме. Всегда было, и всегда будет!», а поэт, прося у них прощения, отвечает им: «Я не знаю, как мне оправдаться на Страшном Суде»...

Офицер, ветеран двух войн, поэт и переводчик Юрьё Олави Юльях был похоронен со всеми воинскими почестями в родном Тампере. Памятник ему поставили несколько лет спустя, в 1964 году. Первый венок к подножию монумента поэту-фронтовику возложил писатель-фронтовик, автор «Неизвестного солдата» Вяйнё Линна. Друзья – ветераны, литераторы, деятели культуры, общественно значимые фигуры устроили в память о Юльях вечер памяти. Открывая его, ветеран, актер Вейкко Синисало, сыгравший одну из ролей в экранизации «Неизвестного солдата», прочёл стихотворение «Прощай,

Кирвесмяки!». Посылали приглашение и Урхо Калеву Кекконену, лично знавшему Юрьё, но президент Финляндии на вечер не приехал. Дабы не злить соседей, о героях Зимней войны на высшем уровне предпочитали не вспоминать: до начала 1990-х гг. эта тема в Суоми считалась щекотливой...

...Поэт-фронтовик в Финляндии не забыт до сих пор. Несмотря на то что с военных времён прошло уже более семи десятилетий, его стихи читают, они востребованы новыми поколениями. Было опубликовано несколько посмертных изданий, а в финскую школьную хрестоматию по литературе входит любопытная литературная перекличка двух бывших противников, смотревших друг на друга в прицелы с противоположных берегов Тайпалеен-йоки. Это приведённый нами выше стих советского поэта Евгения Долматовского «Воспоминания о реке Тайпалеен-йоки» в переводе на финский Юрьё Юльхя и стих Юрьё Юльхя «Песнь о реке» в переводе на русский Евгения Долматовского...

В России же имя Юрьё Юльхя неизвестно. Настало время открыть его!

VIII. Вместо послесловия

...Берега Тайпалеен-йоки после войны долгое время оставались дикими. Населённые пункты, сметённые войной (кроме Метсаяспирти-Запорожское на правом берегу), советские переселенцы возрождать не стали. На полуострове Коуккониemi постепенно подрос новый лес, где, по свидетельствам старожилов, в советское время любили погулять да поохотиться ленинградские партийные боссы. Несмотря на тогдашнюю плохую транспортную доступность, наведывались сюда и рыбаки – говорят, клёв всегда был отменным. А когда открыли границу для турпоездов, здесь всеми правдами и неправдами старались побывать и бывшие жители финских деревень и хуторов. Рассказывают, не раз видели на пустошах, поросших иван-чаем, невестку откуда взявшихся задумчивых стариков финнов...

С реставрацией же капитализма на места ожесточённых боёв пришла «цивилизация». Сегодня берега Тайпалеен-йоки-Бурной активно осваивают дачники. То тут, то там растут усадьбы. А неподалёку от бывшего ротного командного пункта Юрьё Юльхя между рекой и болотом, носящим теперь имя «Тетеревинное», построили частный аэродром...

СТИХИ ЮРЬЁ ОЛАВИ ЮЛЬХЯ

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Оружейное дуло и пара глаз
На пути тебя стерегут.
Выбор прост: или выстрелишь ты сейчас,
Иль промедлишь – тебя убьют.

В вечность длиною мгновение ока,
Пока не раздастся: ба-бах!
Придёшь из дозора живым в окопы
Иль сгинешь навеки в снегах?

Что, не мог он, как раньше,
в шатры твои
Добрый гостем прийти просто так?
А сейчас ты о б я з а н его убить,
Потому что теперь он твой в р а г...

Ты не знаешь, кто он и откуда, и чей,
Кто в прицеле сейчас твоём.
А ведь он тоже просто один из л ю д е й.
Разве мало нам места вдвоём?!

В морозном лесу Запад встретил Восток...
Разве так встречаются л ю д и?!
Из них лишь один будет помнить итог.
Другого же – просто не будет...

ПРОЩАЙ, КИРВЕСМЯКИ!

Был сущий ад над нашей головой,
Клянусь, как будто огненная лава!
Как Высший Суд там, на передовой...
Не нужно чести никакой иной,
И благодарности тупиц, и славы...

Итог я твёрдой подведу рукой.
Сожжённый лес лишь видел боль атаки...
Прощай, край Тайпале, мой дом родной!
Побит, изранен, но живой, живой!
Прощай навеки, хутор Кирвесмяки!

КОЛОДЕЦ

Дня зимнего умчалась половина.
 Затишье. Слышно пушки лишь палят.
 Осколки видно землю как рыхлят.
 Блиндаж прикрыт наш земляной машиной...
 Вновь плачет раненый на все лады:
 – Братишки, принесите мне воды!

Блиндаж трясёт от дальней канонады,
 Под пулями ползти к колодцу надо.
 Что днём, что ночью – тяжёлый этот путь.
 И стынет кровь, и тяжело вздохнуть
 От ветра ледяного и морозца,
 И не один погиб уж у колодца...
 Но жажда – страха смерти всё ж сильней!
 Хоть снег тогда растапливай и пей,
 Впитал в себя что порох, грязь и дым,
 И нашу кровь... Морфин необходим
 Для раненых – облечь боль под вечер,
 Но кроме снега их лечить нам нечем!
 И раненый опять на все лады:
 – Братишки, хоть глоточек мне воды...

...Когда вода уходит прочь из тела,
 Лишь боль его терзает то и дело.
 Не можешь думать ты и говорить
 Про что иное – только: «Дайте пить!»
 Рука хватает мысленный кувшин,
 И сердце рвётся вдалёк хоть до вершин
 Далёких гор бежать в мороз, метель,
 Срывая дверь со всех её петель!

...А пушки всё палят, палят в ответ,
 И водолея посланного нет...
 Рыдает раненый на все лады:
 – Братишечки, хоть капельку воды...

Сгустились сумерки. Призыв услышан.
 Хоть у колодца водолей застыл,
 В замёрзший сруб он кровь свою пролил
 И лёд вмиг растопил опять под крышу!
 И в венах раненых источник бьёт воды,
 Что из вечерней вытекла звезды!
 ...Чуть слышен стон опять, как знак беды:
 – Братишечки, воды, воды, воды...

(Переводы с финского Михаила Васькова)

Михаил Юрьевич ВАСЬКОВ

родился в 1963 г. в Москве.

*Окончил Московский государственный институт
 иностранных языков имени Мориса Тореза,
 Высшие офицерские курсы Минобороны СССР «Выстрел».*

*Кандидат юридических наук,
 полковник внутренней службы в отставке.*

Член Российского союза писателей.

*Автор двух десятков книг разных жанров, в том числе науч-
 ных монографий, более тысячи статей в российской
 и иностранной прессе, многочисленных телерепортажей.*

*Пишет на русском, вепсском, английском,
 переводит с нескольких языков,
 в основном – с прибалтийско-финских.*

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

